

Му Тянько взглянул на стоящий у стены велосипед совместного пользования, затем на хмурое небо:

— На прогулку?

— Новый кулинарный реалити-шоу получил, там есть этап с велосипедом, вот тренируюсь заранее.

Чу Юньчэнь выставил шоу в качестве щита.

— А ты довольно усердный, — сказал Му Тянько без особых эмоций.

— Компания дала мне шанс, конечно, нужно хорошо себя проявить, — ответил Чу Юньчэнь.

— Угу.

Му Тянько хмыкнул.

Сезон сливовых дождей, небо затянуто тучами, моросил мелкий дождь. Чу Юньчэнь специально не надел дождевик, ехал от центра города до южного района, волосы уже давно промокли под сырым дождём, пряди липли ко лбу, спортивная кофта тоже промокла, прилипла к худеньким плечам, оттеняя прозрачно-белую кожу, выглядел исключительно жалко.

Ассистентке стало неловко, она предложила:

— Господин Му, может, пусть зайдёт в дом?

Му Тянько кивнул.

— Заходи.

— А мой велосипед...

Чу Юньчэнь продолжал притворяться.

— Старина Ни найдёт кого-нибудь починить его.

Му Тянько развернулся и пошёл в дом, ассистентка поспешила за ним.

Чу Юньчэнь же не торопился следовать внутрь, изобразил некоторую растерянность, замер, постоял так довольно долго, и лишь после того, как окружающие поторопили его, подбежал к Му Тянько, осыпая благодарностями:

— Господин Му, вы действительно мой счастливый талисман!

— Хе.

Улыбка Му Тянько была очень многозначительной.

В этот момент ассистентка принесла комплект сухой одежды, положила его на стол:

— Сяо Чу, одежда может быть не совсем по размеру, поноси как-нибудь.

— Спасибо, сестричка.

Чу Юньчэнь сладко говорил, растрогав ассистентку до улыбки, и она сама предложила:

— Сяо Чу, скорее снимай шапку, сестра найдёт тебе фен.

— Угу, угу.

Чу Юньчэнь закивал.

Ассистентка вышла искать фен, уходя, не забыла прикрыть дверь.

Му Тянько не ушёл, прислонившись головой к оконному проёму, читал древний фолиант, казалось, совершенно не интересуясь тем, кто находится с ним в одной комнате.

В такой ситуации Чу Юньчэнь, естественно, не мог сказать глупостей вроде «выйди, мне нужно переодеться». Скрепя сердце он подошёл к деревянному столу, где лежала одежда, встал спиной к Му Тянько, ухватился за воротник и стянул спортивную кофту, затем стянул такие же промокшие спортивные штаны вместе с нижним бельём, и его молодое, нежное тело полностью обнажилось на воздухе.

Затем он встряхнул большое полотенце и с головы до ног тщательно вытерся, вытер так, что побелевшая от холодного дождя кожа слегка порозовела, и только тогда бросил полотенце обратно на стол.

Он начал одеваться.

Медленными движениями достал верхнюю часть одежды, встряхивая её, краем глаза покосился на сидящего у окна Му Тянько.

Но мужчина придерживался принципа «не смотри на непристойное», словно монах, погружённый в медитацию, смотрел на древнюю книгу, даже не приподнимая век.

Чу Юньчэнь скривил губы и продолжил одеваться.

Одевшись полностью, он специально не заправил слишком длинные полы рубашки в брюки, протирая волосы, подошёл к Му Тянько и послушно сказал:

— Господин Му, спасибо.

Услышав это, мужчина наконец оторвал взгляд от древнего фолианта, скользнул глазами по Чу Юньчэню:

— Действительно немного великовата.

— Зато носить удобно.

Чу Юньчэнь моргнул, надеясь, что Му Тянько как-то отреагирует.

К сожалению, Му Тянько в этой жизни был не только извращенцем, но и извращенцем со скверным чувством юмора. Чу Юньчэнь уже так старался примазаться, а мужчина по-прежнему не собирался давать юноше никаких намёков.

Он посмотрел на уши Чу Юньчэня и сказал:

— Почему такие красные? Не простудился ли?

— Наверное, это от того, что слишком сильно вытирался.

Чу Юньчэнь потёр горящие уши, думая про себя: разве не я должен соблазнять Му Тянько? Почему диалог больше похож на то, что это Му Тянько соблазняет меня?

Му Тянько, который знал, что его жена от природы немного туповат, но не ожидал, что тот докатится до такого состояния и всё ещё не осознаёт свой врождённый талант всё портить, молча опустил древний фолиант, взял ватную палочку и сказал Чу Юньчэню:

— Иди сюда.

— Что делать?

Чу Юньчэнь обрадовался внутри, изо всех сил сдерживая смех.

Тон Му Тянько был равнодушным:

— Ничего, посмотрю, не попала ли вода в ушной канал.

— Но как...

Чу Юньчэнь хотел возразить, но Му Тянько уже встал, оказался позади него, одной рукой придерживая его за плечо, другой держа ватную палочку, наклонился, приблизившись к уху:

— Не двигайся.

Чу Юньчэнь тут же замер, как котёнок, которого мать взяла за шкурку.

Мужчина осторожно отодвинул пряди волос возле уха юноши, ввёл ватную палочку в ушной канал.

— Если почувствуешь зуд или дискомфорт, скажи, — сказал Му Тянько. — Боюсь, могу не рассчитать силу.

В этот момент небо прояснилось, золотистый солнечный свет упал на двух тесно стоящих людей. Спокойствие и умиротворение — именно так это и выглядело.

В прошлой жизни обнаружить, что Му Тянько особенно нежен, очищая ему уши, изначально было случайностью.

Му Тянько был маниакальным контролёром, любил управлять всем, что касалось Чу Юньчэня, даже последующий уход брал на себя, естественно, не пропуская и вытирание после купания.

Каждый раз после купания Чу Юньчэнь должен был изо всех сил терпеть неудобство, стоя перед мужчиной, вытянувшись по струнке, как на строевой подготовке.

И только когда мужчина оставался доволен, он мог повернуться, чтобы мужчина, словно ухаживая за младенцем, вытер его с головы до ног сухим полотенцем.

Очевидно, Му Тянько считал вытирание удовольствием, обычно начиная с волос, в процессе ему приходилось много раз менять позу, и только когда вся влага, скрытая в складках, была полностью впитана, это заканчивалось.

После завершения вытирания Му Тянько не спешил делать с Чу Юньчэнем то, чего ожидало

бы большинство людей.

Он надевал на Чу Юньчэня различные игрушки, сажал его к себе на колени и с чувством читал вслух случайно открытые статьи — иногда лирические эссе, иногда отрывки из классики, иногда финансовые отчёты, а иногда «Цветы сливы в золотой вазе» или даже «Оценка цветов»...

В основном содержание и продолжительность вечернего чтения вслух полностью зависели от настроения Му Тянько в тот день.

До того дня Чу Юньчэнь, как обычно, читал вслух для Му Тянько, в середине чтения из-за приступов острой боли в ушном нерве у него задрожали зубы, а голос приобрел неестественную дрожь.

Му Тянько, который знал тело Чу Юньчэня лучше, чем сам Чу Юньчэнь, сразу понял, что дрожь не связана с вибрацией игрушки.

— Что случилось?

— Ухо... в ухо попала вода... когда мылся, вода попала в ухо...

Уже давно запуганный Чу Юньчэнь с тревогой смотрел на Му Тянько.

Но реакция мужчины оказалась неожиданно нежной.

— Понял.

Он позвонил личному врачу, попросил его профессионально помочь Чу Юньчэню и, усвоив урок, с тех пор каждый раз после завершения вытирания тела нежно чистил ушные каналы Чу Юньчэня ватными палочками, и только убедившись, что его птичка в клетке не страдает от шума или боли в ушах, продолжал обязательный урок вечернего чтения вслух.

Сейчас, чувствуя, как мужчина пальцами и ватной палочкой нежно возится с его мочкой уха, Чу Юньчэнь внезапно вспомнил прошлое.

Если бы Му Тянько в прошлой жизни мог всегда быть таким нежным, как при чистке ушей, хотя бы половину времени проявлять такую нежность, их отношения не зашли бы так далеко, чтобы...

— Что это за красная точка? Аллергия?

Неожиданно раздался тёплый голос, и затем тёплый, шершавый подушечка пальца провёл по ушной раковине.

Ощущение, словно от удара током, мгновенно пронзило всё тело, жар заставил щёки покраснеть. Не ожидавший, что тело после перерождения будет таким чувствительным, Чу Юньчэнь смущённо опустил голову — на этот раз это была не игра, он действительно не смог сдержаться.

Му Тянько ещё в прошлой жизни знал, что красная родинка за ухом — чувствительное место юноши, но не ожидал, что реакция юноши в этой жизни окажется ещё более сильной, чем в прошлой. После нескольких потираний щёки уже стали алыми, внешние уголки глаз окрасились персиковым румянцем, ресницы, увлажнённые слезинками, непрерывно дрожали,

а уши покраснели до просвечивания.

Горло Му Тянько загорелось, боль была как от пореза.

Но Чу Юньчэнь надеялся выкрутиться, сказав:

— Господин Му, вода в ухе уже...

— А.

Взгляд Му Тянько мгновенно вновь стал холодным, подушечкой пальца он как бы невзначай ещё пару раз провёл по ушной раковине юноши и сказал:

— Оказывается, родинка.

— Да, родимое пятно.

Чу Юньчэнь изо всех сил старался сохранять спокойствие.

В этот момент в комнату вошла ассистентка с лёгкой закуской.

Му Тянько бросил ватную палочку в мусорное ведро, взглянул и безразлично сказал:

— Почему оба блюда — имбирный отвар?

Внутренние мысли обоих в данный момент:

Старина Му, закрывая лицо: У него, может, и вода в ушах, но у меня точно вода в голове...

Чу-шу ликует: Хе-хе, я и правда самый умный милашка на свете.

Кроме того, старина Му в прошлой жизни на самом деле был воздержанным интеллектуалом, но из-за мук любви постепенно превратился в садиста. Конечно, если в этой жизни он снова станет садистом, то это будет исключительно по вине товарища Чу.

<http://bllate.org/book/15593/1390202>